

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

С. А. Тулаева, М. С. Тысячнюк

Между нефтью и оленями

О распределении благ между нефтяниками и коренными народами в российской Арктике и Субарктике¹

ТУЛАЕВА Светлана Александровна — кандидат социологических наук, PhD, специалист в области юридических исследований, Университет Восточной Финляндии; доцент, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления, факультет сравнительных политических исследований. Адрес: 194044, Россия, Санкт-Петербург, Зеленков пер., д. 7, литер А.

Email: svett07@mail.ru.

Данное исследование посвящено изучению моделей соглашений о распределении благ (benefit sharing arrangements) между нефтегазовыми компаниями и коренными народами в регионах российской Арктики и Субарктики. На основе проведённых исследований было выделено три основные модели распределения благ между органами власти, компаниями и коренными народами: (1) патернализм; (2) корпоративная социальная ответственность (КСО) и (3) партнёрство. Для патерналистской модели характерна иерархичность взаимодействия, предполагающая наличие патрона и клиентов. Эта система обязательств выстраивается на основании неформальных практик взаимодействия, а процесс принятия решений не является формализованным и прозрачным. Модель КСО ориентирована на повышение инвестиционной привлекательности и производственной эффективности компании, поддержание её образа как социально ответственного производителя. Ключевые решения в этом случае принимаются руководством компании исходя из требований государственного законодательства, корпоративных политик, международных стандартов и требований инвесторов. Партнёрская модель управления предполагает равные возможности для участия в диалоге и принятии решений всех заинтересованных сторон — государства, компаний, коренных народов. Она базируется на глобальных стандартах, защищающих права коренных народов. В работе рассматриваются основные характеристики этих моделей, а также анализируются факторы, повлиявшие на их формирование. Исследование выполнено на основе качественной методологии, на материалах трёх российских регионов (Ненецкий автономный округ — НАО, Ханты-Мансийский автономный округ — ХМАО, Сахалинская область). При написании статьи использовались данные нескольких полевых экспедиций: в НАО (2011, 2017 гг.), в ХМАО (2014 г.), в Сахалинскую область (2013, 2015 гг.). Основными источниками для анализа послужили материалы интервью с представителями нефтегазовых компаний, органов власти, коренных народов, экспертного сообщества. Всего было собрано 130 полуструктурированных интервью. Также при проведении работы использовались материалы наблюдения и анализ документов (российское законодательство в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее — малочисленные народы), международные стандарты, корпоративные политики и отчёты).

¹ Статья выполнена при поддержке гранта Финской Академии наук «Нефтяные производственные сети в Российской Арктике: социальное воздействие и возможности для развития», гранта РАНХиГС «Новые инструменты управления в российской Арктике и Субарктике» и гранта Арктической Программы Голландского Фонда Научных Исследований «Разработка стандартов распределения прибыли в Арктике»

ТЫСЯЧНЮК Мария Сергеевна — кандидат биологических наук, PhD, специалист по социологии, Вагенингенский университет (Голландия); научный сотрудник группы политики в области окружающей среды университета Вагенинген, руководитель группы экологической социологии, Центр независимых социологических исследований (Санкт-Петербург). Адрес: Россия, 197021, Санкт-Петербург, Лиговский проспект, д. 87, офис 301б.

Email: tysiachn@yandex.ru

Ключевые слова: соглашения о распределении благ; коренные народы; нефтегазовые компании; корпоративная социальная ответственность; патернализм; партнёрство.

Введение

Благополучие современного общества во многом базируется на индустриальном развитии и добыче природных ресурсов. В последние десятилетия нефть стала не только основой многих национальных экономик, но и символом власти, которая используется на международной арене для усиления политического влияния. В то же время подобная сакрализация нефти воздействует на социальные процессы в обществе и приводит к борьбе за доступ к сакральному источнику. По замечанию Д. Роджерса, глубина нефтяных скважин напрямую связана с уровнем культурных и социальных трансформаций [Rogers 2015]. Эти изменения касаются особенностей ведения бизнеса, доступа к политической власти, процесса принятия решений, преобладающих способов решения социальных проблем. Идеология нефтяного общества тесно связана с верой в промышленное развитие и модернизацию, с асимметрией доступа к ресурсам и связанными с этим конфликтами, с исключением из процесса принятия решений слабых игроков, с доминированием экономических целей развития [Reyna, Behrends 2011; Rogers 2015].

Одним из следствий утверждения такой идеологии становится проблема существования традиционных сообществ внутри «нефтяного общества». Речь идёт о коренных малочисленных народах, чьё благополучие напрямую зависит от состояния окружающей природы. Их традиционный образ жизни привязан к определённым территориям для выпаса оленей, охоты, рыбной ловли. Но зачастую именно эти территории оказываются богаты нефтью и газом [Wilson 1999; Кряжков 2002; Stammeler 2005; Stammeler, Wilson 2006; Coe, Dichen, Hess 2008; Novikova, Wilson 2013]. Развитие нефтедобычи ведёт к сокращению земель для оленеводства и загрязнению рек, изменению маршрутов миграции животных. При этом сами жители оказываются исключёнными из процесса извлечения и распределения нефтяной ренты. Нефтяная экспансия делает невозможным сохранение прежнего образа жизни коренных жителей и меняет их культуру. Коренные народы вынуждены приспосабливаться к нефтяной идеологии, что находит отражение в переориентации их хозяйственной деятельности, изменении социальных норм и повседневных практик. Появление нефтяников вызывает поэтому неоднозначное отношение местного населения. С одной стороны, оно рассматривается коренными жителями как вторжение в их исконную среду обитания. В восприятии местных жителей нефтяники являются «*временичками*» и «*варягами*», которые «*выкачают всю нефть и уйдут*», а местные жители останутся в разрушенной среде обитания. С другой стороны, нефтедобыча рассматривается как основа благосостояния региона и страны в целом. Нефтегазовая промышленность влечёт отчисления в бюджет округа, позволяет обеспечить развитие необходимой социальной инфраструктуры. В большинстве нефтегазовых регионов опасения о разрушении традиционной культуры соседствуют с расхожими представлениями о необходимости «*дойти нефтяников*» и ожиданиями повсеместной помощи от них.

В связи с этим одной из проблем является поиск баланса между интересами коренных народов и нефтегазовых компаний. Распространённым способом решения этого конфликта в мире становится процесс распределения благ от промышленной деятельности между разными группами акторов: компаниями, органами власти, местными сообществами. В России разработка и реализация таких соглашений осложняется рядом проблем [Wilson 2002; Stammer 2011; Новикова 2013; Wilson, Fjaertoft 2016]:

- приоритет экономических задач над экологическими и социальными проблемами;
- сложность регулирования деятельности транснациональных корпораций на территории отдельного государства;
- слабость государственного законодательства;
- плохая прогнозируемость последствий промышленной деятельности для окружающей среды и местных сообществ;
- завышенные ожидания местных сообществ по отношению к компаниям.

В российских регионах сложились различные практики заключения подобных соглашений. Цель работы — выявить особенности формирования различных моделей соглашений о распределении благ между нефтегазовыми компаниями и коренными народами. Важно понять, что оказывается более значимым в процессе их формирования: региональная специфика, зависимость от международных акторов, особенности корпоративных политик, уровень самоорганизации местных сообществ? Для ответа на эти вопросы мы обратимся к подходам, рассматривающим модели распределения благ в мировой практике и в российском контексте. Опираясь на эти подходы, проанализируем три эмпирических кейса и сделаем выводы об особенностях реализации моделей распределения благ в российских регионах.

Подходы к формированию соглашений о распределении благ

Концепция соглашений о справедливом и равном распределении благ зародилась в рамках международных конвенций, направленных на защиту биологических ресурсов (Конвенция о биоразнообразии 1992 г., Нагойский протокол 2010 г.). Она получила дальнейшее развитие применительно к нефтегазовой промышленности. Поскольку добыча нефти и полезных ископаемых ведёт к воздействию на окружающую среду и соответственно на коренных жителей, последние могут претендовать на получение части выгод промышленных корпораций [Sen 1992; Lewis 2011]. Эти блага могут передаваться местным сообществам в разных формах [Kenett 1999; Bilgin 2001; Fidler, Hitch 2007; Bradshaw 2010], то есть поступать в виде:

- налоговых поступлений и компенсационных выплат (*formal benefits*);
- частно-государственных партнёрств, заключаемых органами власти, компаниями и коренными народами (*semi-formal arrangements*);
- благотворительных программ (*charitable giving*);
- побочных преимуществ от промышленной деятельности, под которыми подразумевается создание рабочих мест и развитие инфраструктуры (*trickle-down benefits*).

Ключевая проблема данных соглашений — справедливость и равномерность распределения этих благ. По каким принципам они должны распределяться между различными группами акторов? Выделяют два основных аспекта передачи благ: (1) процедурный (*procedural*) и (2) распределительный (*distributive*). В первом случае речь идёт об участии разных групп акторов в процессе принятия решений относительно распределения благ. Ключевым моментом является наличие прозрачной и открытой для всех процедуры принятия решений о том, как распределяются имеющиеся блага. Во втором случае основное внимание уделяется размерам благ и тем формам, в которых они распределяются (денежные вы-

платы, строительство объектов социальной инфраструктуры, покупка инвентаря и проч.) [McDermott, Mahanty, Schreckenberг 2013].

На основе обзора литературы и проведённых исследований мы выделили три основные модели распределения благ между органами власти, компаниями и коренными народами [Pierк, Tysiachniouк 2016; Tysiachniouк 2016]: (1) патернализм (государственный и (или) корпоративный); (2) корпоративная социальная ответственность (КСО) и (3) партнёрство. Каждая модель характеризуется сложившейся конфигурацией акторов, свойственными ей правилами взаимодействия и принятия решений, наиболее типичными для неё формами социальных инвестиций.

Для патерналистской модели характерна иерархичность взаимодействия, предполагающая наличие патрона и клиентов. Она определяется доминированием одного из акторов в процессе принятия решений. Остальные группы акторов стремятся заручиться его расположением. Как правило, формирование патерналистских отношений связано со слабостью или неэффективностью формальных институтов. В результате возникают сети отношений, связывающих различные группы акторов определёнными обязательствами по отношению друг к другу. Эта система обязательств выстраивается на основании неформальных практик взаимодействия, а процесс принятия решений не является формализованным и прозрачным. Государственный патернализм характеризуется ключевой ролью государства, которое определяет правила взаимодействия, а государственные акторы принимают основные решения. Патерналистская модель управления сформировалась в России в советский период, когда все сферы жизни были подчинены государству. Заботу о местных посёлках, на территории которых велись работы, брали на себя государственные предприятия. Они же поддерживали всю социальную инфраструктуру и организовывали жизнь населения на этих территориях. Несмотря на то что в рыночных условиях такая модель в чистом виде существовать не может, население по-прежнему ожидает всесторонней поддержки со стороны предприятий и государства. В нынешних условиях это означает, что компании принимают основные решения о социальных инвестициях, ориентируясь на пожелания государственных властей. Местные сообщества имеют минимальные возможности участия в принятии решений. Корпоративный патернализм предполагает ведущую роль руководства компаний в принятии решений. Как и в случае с государственным патернализмом, ключевые решения принимаются исходя не столько из формальных правил, сколько из личных предпочтений и неформальных связей участников [Henry et al. 2016].

Модель КСО ориентирована на повышение инвестиционной привлекательности и производственной эффективности компании, поддержание ее образа как социально ответственного производителя. Ключевые решения в этом случае принимаются руководством компании исходя из требований государственного законодательства, корпоративных политик, международных стандартов и требований инвесторов. Как правило, такой модели придерживаются транснациональные корпорации, дорожащие своим имиджем. На них могут оказывать воздействие протесты и акции транснациональных неправительственных организаций (НПО), ведущие к обесцениванию корпоративных брендов на мировых рынках. Для того чтобы избежать таких ситуаций, корпорации стараются разрабатывать прозрачные и стандартизированные формы взаимодействия с местными сообществами, органами власти и НПО [Bradshaw 2005; Voasson, Wettestad, Bohn 2006; Bridge 2008; O'Faircheallaigh 2013]. Это позволяет компаниям сократить их трансакционные издержки. Однако внедрить такие типовые механизмы не всегда удаётся из-за разницы в региональных правилах и практиках.

Партнёрская модель управления предполагает равные возможности для участия в диалоге и принятии решений всех заинтересованных сторон — государства, компаний, коренных народов. Она базируется на глобальных стандартах, защищающих права коренных народов. В соответствии с ними коренным народам должны быть обеспечены условия для участия в процессе принятия решений, затрагиваю-

щих их среду обитания. В качестве гарантов реализации прав выступают международные и межправительственные организации, НКО, банки-инвесторы [Bradshaw 2005; 2008; 2010; Bridge 2008]. В то же время в России местные сообщества не всегда оказываются готовы к такому равноправному диалогу и продвижению своих инициатив. Кроме того, в ряде случаев международные стандарты входят в противоречие с существующими требованиями и практиками государственного управления. В реальности все эти модели не существуют в чистом виде, но можно найти преобладающие черты той или иной из них.

Методы сбора и обработки данных

Исследование базируется на качественной методологии и анализе нескольких эмпирических кейсов, выбранных на основе принципа максимальных вариаций. Это подразумевает анализ объектов, обеспечивающих максимальное разнообразие информации и демонстрирующих наиболее распространённые модели изучаемого явления [Kvale 1996]. Основное внимание в исследовании было уделено следующим компаниям:

- «Сахалин Энерджи» и «Эксон Нефтегаз лимитед» (Сахалинская область). Эти компании активно внедряют международные стандарты социальной ответственности и ориентируются на требования международных инвесторов и кредиторов. На Сахалине компании внедрили новый формат распределения благ, при котором в принятии решений участвуют местные жители. Большое внимание уделяется обучающим тренингам для местного населения, продвижению собственных инициатив местных сообществ, созданию новых структур управления, основанных на низовом участии;
- ОАО «Сургутнефтегаз» (Ханты-Мансийский автономный округ). Компания активно участвует в развитии региона; при взаимодействии с коренными народами использует разработанные в регионе прозрачные и типовые формы социальных соглашений. Основная цель таких соглашений — минимизировать транзакционные издержки и сократить риски компании при взаимодействии с местными сообществами;
- ООО «Лукойл-Коми» (Ненецкий автономный округ). Компания принимает активное участие в развитии социальной инфраструктуры региона; при выплате компенсаций коренным жителям ориентируется на требования федеральной методике Минэкономразвития.

Также в работе использовались материалы, связанные с деятельностью других нефтегазовых компаний в данных регионах.

Материалы были собраны в ходе нескольких полевых экспедиций в НАО (2011, 2017 гг.); в ХМАО (2014 г.); в Сахалинской области (2013, 2015 гг.). Использование данных, собранных в течение длительного промежутка времени, позволило проследить, как изменялись и складывались существующие модели взаимодействия.

Основными методами исследования являлись интервью, анализ документов, наблюдение. Интервью были взяты у представителей (1) компаний, (2) региональных и местных органов власти, (3) коренных народов, (4) у экспертов НКО.

Поскольку в фокусе исследования находилась проблема взаимодействия компаний, коренных народов и властей, важно было собрать интервью с представителями всех групп. Это дало возможность осветить существующие проблемы взаимодействия с точки зрения всех участников. Для каждой группы

акторов был составлен свой гайд. Основные вопросы интервью затрагивали следующие темы: правила, регулирующие отношения компаний и коренных народов; проблемы при их взаимодействии; способы разрешения существующих конфликтов.

Всего было собрано 130 полуструктурированных интервью. Средняя продолжительность одного интервью составляла один час. Все интервью были транскрибированы. Данные об информантах были зашифрованы в итоговой таблице таким образом, что отражали сферу профессиональной занятости информанта, время и место проведения интервью (см. таблицу П.1).

Был проведён анализ следующих документов:

- федеральное и областное законодательство, затрагивающее вопросы регулирования деятельности промышленных компаний;
- международные стандарты ООН, Всемирного банка, Европейского банка реконструкции и развития и др.;
- корпоративные стандарты, политики и отчёты компаний в области социальных инвестиций и взаимодействия с населением;
- материалы региональных СМИ.

Также в работе были использованы материалы наблюдения, собранные на конференциях, обучающих семинарах и в местах проживания малочисленных народов, попадающих в сферу деятельности промышленных компаний. Все собранные материалы были проанализированы в соответствии с основными принципами качественной методологии. Анализ интервью был проведён с применением тематического, осевого и выборочного кодирования. Основная информация, полученная при анализе документов, позволила выявить формальные правила, нацеленные на регулирование отношений компаний и малочисленных народов. В то же время материалы интервью и наблюдения позволили увидеть, как эти правила функционируют на практике. Сопоставление данных, полученных при анализе интервью, документов и материалов наблюдения, помогло осуществить триангуляцию источников. Так, информация, полученная во время интервью, соотносилась с данными, полученными из документов и при наблюдении [Kvale 1996].

Собранные данные помогли выявить условия формирования различных моделей распределения благ между компаниями, органами власти и коренными народами в российских регионах. Также это помогло реконструировать те факторы, которые повлияли на становление данных моделей.

Правовая рамка для заключения соглашений о распределении благ

Распределение благ между компаниями, коренными малочисленными народами и органами власти определяется несколькими основными блоками правил — государственным законодательством, международными стандартами, корпоративными политиками. В соответствии с российским законодательством коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ — это народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [О гарантиях прав... 1999]. Перечень малочисленных народов утверждается Правительством Российской Федерации. Право коренных малочисленных народов на сохранение своего традиционного образа жизни защищается федеральным за-

конодательством. В соответствии с российским законодательством коренным жителям предусмотрено выделение территорий традиционного природопользования (ТТП). Компании, ведущие деятельность на территориях традиционного природопользования малочисленных народов, обязаны согласовывать свои действия с коренными народами, получать от них согласие на ведение промышленной деятельности и производить возмещение ущерба [О территориях традиционного природопользования... 2001; Об общих принципах организации... 2000]. В законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (№ 82-ФЗ от 30 апреля 1999 г.) было закреплено понятие «этнологическая экспертиза», что предполагает исследование изменений исконной среды обитания малочисленных народов под воздействием хозяйственной деятельности. Проведение этнологической экспертизы должно усиливать роль коренных народов в процессе принятия решений в отношении территорий их проживания и способствовать сохранению части земель от промышленного использования [Мурашко 2006; Терёхина, Функ 2015]. Ещё одним важным документом, регулирующим отношения коренных народов и компаний, является Земельный кодекс. Он определяет серьёзные ограничения при изъятии сельскохозяйственных земель для промышленной деятельности. Такое изъятие должно быть согласовано в том числе с коренными народами, арендующими эти земли. Компании, претендующие на ТТП или сельскохозяйственные угодья, арендованные коренными народами, должны выплачивать компенсации этим последним [Земельный кодекс РФ 2001]. В 2009 г. Министерством экономического развития была разработана методика, на основе которой определяется нанесённый ущерб. Кроме того, существует федеральный закон об обязательной экологической экспертизе, которая проводится при строительстве промышленных объектов [Об экологической экспертизе 1995]. Важным аспектом организации такой экспертизы является проведение общественных слушаний и возможность для местного населения участвовать в обсуждении планируемых проектов.

Однако исследователи отмечают существующий разрыв и наличие правовых коллизий между законами, регулирующими деятельность нефтегазовых компаний, и аборигенным правом на федеральном уровне. Кроме того, ряд общих положений из федерального законодательства о малочисленных народах не был подкреплён соответствующими подзаконными актами и не получил практической реализации. Так, не была создана ни одна ТТП федерального значения, не работают на федеральном уровне положения об этнологической экспертизе. В то же время на уровне отдельных регионов были приняты соответствующие законы, которые применяются на практике. Региональное законодательство в отношении малочисленных народов позволяет уменьшить промышленное воздействие и учесть локальную специфику. Одним из лидеров в области создания и реализации регионального законодательства по правам малочисленных народов считается ХМАО. Интересно, что инициаторами разработки и внедрения такого законодательства в ХМАО выступили сами нефтегазовые компании, заинтересованные в стабилизации отношений с местным населением и правового статуса территорий. Так, на территории округа было выделено около 500 ТТП [Новикова 2014]. Другими регионами, успешно внедряющими аборигенное право на региональном уровне, являются Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и Якутия, где были приняты и начали работать региональные законы об этнологической экспертизе.

Вторым блоком правил, влияющих на практики взаимодействия промышленных корпораций и коренных народов, являются международные стандарты, продвигаемые международными организациями и международными финансовыми институтами — ООН, Международным валютным фондом (МВФ), Всемирным банком (ВБ), Международной организацией труда (МОТ), Арктическим советом. В первую очередь это декларация ООН «О коренных народах», конвенция МОТ № 169, операционная директива 4.20 (OD 4.20) Всемирного банка «Коренное население» [United Nations 2008; 2009; 2011; EBRD 2014]. Международные стандарты направлены на защиту интересов и прав коренных народов в отношении сохранения их традиционной культуры и традиционного образа жизни, использования земель и природных ресурсов. В соответствии с международными стандартами ООН под коренными народами понимаются этносы, обитавшие на своих землях до прихода туда переселенцев из других районов. Они

имеют свой язык, сохраняют специфические черты своей культуры и социальных устоев. Стандарты ООН провозглашают принцип свободного, предварительного и осознанного согласия (*free prior and informed consent*). Этот принцип должен применяться в отношении проектов по добыче полезных ископаемых, затрагивающих территории проживания коренных народов. В соответствии с этим принципом коренные народы имеют право на раскрытие всей информации в отношении последствий от промышленной деятельности, затрагивающей их территории обитания. Одним из основных механизмов реализации данного принципа должны служить консультации и участие коренных народов в принятии решений. Участвовать в принятии решений коренные народы могут через выбранных ими представителей. Если коренные народы соглашаются с ведением промышленной деятельности на территориях их проживания, то они должны иметь право на компенсацию. Коренные народы также имеют право отклонить такой проект, если не согласны с условиями соглашения [United Nations 2009; 2011]. Несмотря на то что декларация ООН о коренных народах не подписана Российской Федерацией, ее основные принципы учитываются при написании и корректировке российского законодательства в отношении малочисленных народов. Международные корпорации, работающие в России, также ориентируются на принципы декларации при выстраивании отношений с коренными народами [Новикова 2014].

Наконец, третий блок правил — это корпоративные кодексы компаний, в которых наравне с другими этическими правилами корпоративного поведения провозглашается необходимость учёта интересов коренных народов и бережного отношения к их культурному наследию. Обычно кодексы содержат переработанные требования международных стандартов и национального законодательства в отношении коренных народов. Важно отметить, что во многих случаях компании включают в свои корпоративные кодексы дополнительные обязательства по отношению к местному населению, помимо тех, что налагаются на них законодательством. В то же время в корпоративных политиках подчёркивается, что социальная и экологическая ответственность компаний рассматривается как инструмент управления рисками. Она не является филантропией и должна быть направлена на повышение конкурентоспособности компании на рынке. Соответственно направления помощи коренным народам и местным сообществам должны отвечать стратегическим интересам компании.

В разных случаях все эти правила реализуются в разных объёмах, что определяет различные практики распределения благ от нефтедобычи.

Соглашения о распределении благ в российских регионах: анализ кейсов

Ненецкий автономный округ: ООО «Лукойл-Коми»

Особенности регионального контекста

Ненецкий автономный округ (НАО) расположен в северо-западной части России. Большая его часть находится за Полярным кругом, что определяет жёсткие климатические условия на этих землях. Практически вся территория покрыта тундрой и лесотундрой. Основное население составляют русские, ненцы и коми. В округе действуют ассоциация ненецкого народа «Ясавэй» и региональное отделение Союза оленеводов. Это наиболее крупные неправительственные организации, занимающиеся правами коренных народов в округе. В сферу их интересов входят вопросы, связанные с экономическими, социальными, правовыми, культурными аспектами жизни ненцев.

На территории округа находятся большие запасы полезных ископаемых (нефть и газ). Освоение нефтяных залежей в округе началось в советское время. В 1970-е гг. здесь активно работали геолого-разведочные экспедиции, которые производили оценку запасов нефти. К добыче нефти в округе приступили в начале 1990-х гг. В настоящее время здесь работают крупнейшие российские и международные

добывающие компании («Лукойл», «Роснефть», «Газпром» и др.). Компании активно участвуют в жизни округа. Они заключают соглашения о социально-экономическом партнёрстве с губернатором округа, согласно которому способствуют развитию социальной инфраструктуры округа. Это может быть строительство или ремонт спортивных комплексов, школ, детских садов, поликлиник, домов культуры и др. Как правило, региональные власти сами определяют те социальные объекты, которые необходимы округу.

Невозможно зайти на территорию без благотворительной и спонсорской помощи <...> Любая пришедшая компания — это детский сад или школа (информант № 5).

Также компании оказывают адресную помощь отдельным организациям. В целом в регионе очень сильны ожидания экономической помощи от нефтегазовых компаний.

С приходом в округ в 1990-е гг. нефтедобывающих компаний стали возникать конфликты между оленеводами и нефтяниками из-за прав на использование земельных участков. Нефтедобыча вела к сокращению земель для оленеводства и ограничению численности оленей. В соответствии с законодательством компании должны были выплачивать компенсации оленеводам за изъятые у них земли. Размер этих компенсаций стал одним из камней преткновения в переговорах.

Взаимодействие нефтегазовых компаний с коренными народами

Одной из крупнейших нефтегазовых компаний, работающих в регионе, является «Лукойл-Коми». Как и другие предприятия, компания заключает соглашения о социально-экономическом партнёрстве с региональными властями. В рамках этих соглашений она выделяет денежные средства на строительство и ремонт в посёлках важных объектов социальной инфраструктуры — спортивных залов, школ, детских садов, домов творчества. Также компания поддерживает инициативы местных сообществ и проводит конкурсы грантов на социальные и культурные проекты среди местных сообществ. В компании был принят корпоративный Социальный кодекс, который определил основные направления её социальной политики. Приоритетными направлениями являются сохранение культурного наследия коренных жителей, а также содействие в получении образования, профессиональной подготовки, в улучшении условий жизни.

Первоначально взаимодействие с коренными сообществами в регионе проходило тяжело. На это повлияли завышенные ожидания со стороны местных сообществ по отношению к нефтяникам. В восприятии населения нефтяные компании обладали практически безграничными финансовыми возможностями. Нефтяники также оказались не готовы к взаимодействию с оленеводами и учёту их особых прав на землю:

И они (Оленеводы. — Авт.) говорят: это наша земля. Какая же это их земля, если это государственная земля?! (информант № 2).

В большинстве случаев эти конфликты решались путём прямых переговоров, по итогам которых нефтяники получали согласие со стороны коренных жителей на использование их земель в обмен на материальную компенсацию. Размер компенсации определялся произвольно, в ходе переговоров и не подлежал разглашению. Как правило, оленеводы соглашались на те условия, которые им предлагала компания:

Конкретно вам хочу сказать, что это наше желание — это ихнее предложение (информант № 1).

Сами нефтяники отмечали ненадёжность и нестабильность таких соглашений:

Мы строим нефтепровод, за землю мы уже заплатили, а он говорит: «Дай мне ещё солярки три тонны». Я говорю: «Послушай, ну, мы же уже выплатили...» «А вот вы мне дайте сейчас ещё, мне надо» (информант № 5).

С 2011–2012 гг. в регионе стала распространяться федеральная методика расчёта компенсации ущерба малочисленным народам. На её основании определяется упущенная выгода оленеводов в связи с передачей части их земель в аренду нефтяникам. Размер компенсации зависит от количества изъятой земли и сроков пользования этой землёй нефтяниками. Расчёты компенсации производятся независимыми агентствами. Порядок выплаты определяется в ходе переговоров нефтяников с оленеводами. Выплата может быть произведена компанией разово, а может быть распределена во времени. Деньги перечисляются компанией на счёт оленеводческого хозяйства и расходуются оленеводами по своему усмотрению. Как правило, на эти средства строятся необходимые хозяйственные или социально значимые объекты, покупается инвентарь (снегоходы, машины, лодки), топливо. Такие выплаты способствовали формализации отношений между нефтяниками и оленеводами. Если раньше размер компенсации во многом зависел от умения руководства оленеводческого хозяйства вести переговоры, то теперь он определяется чёткими стандартизированными критериями и рассчитывается по единым для всех правилам. По сравнению с предыдущей практикой заключения договоров расчёт компенсации согласно федеральной методике является более выгодным для оленеводов и позволяет получить им большие суммы:

Предыдущая схема была менее затратной для компании <...> То есть цифры были меньше (информант № 6).

Ещё один тип соглашений с малочисленными народами — это договор сервитута, который разрешает использовать сельскохозяйственные земли под нужды промышленности без вывода их из этой категории (например, под строительство зимника). В некоторых случаях используются договоры спонсорской помощи, которые заключаются между компанией и муниципальным образованием либо сельскохозяйственным производственным кооперативом (СПК) или общиной. Как правило, в рамках этих договоров компании дают небольшие суммы денег (30–50 тыс. руб.) на проведение каких-либо мероприятий или покупку оборудования.

Помимо земельных споров, причиной конфликтов между нефтяниками и коренными народами являются разливы нефти или другие производственные аварии, которые всегда сопровождают нефтедобычу. Основные проблемы в этом случае связаны с тем, что государственные власти, испытывающие недостаток ресурсов, не всегда оперативно реагируют на жалобы местных жителей:

Случаи с разливом тяжело зафиксировать. Власти реагируют через месяц. Когда оленеводы пожалуются, сообщаем. Но нас только через месяц приглашают (информант № 8).

Отсутствие незамедлительной реакции государственных властей осложняет вопрос о выплате компенсации со стороны компаний за производственные аварии.

В ряде случаев неформальные договорённости продолжают использоваться при взаимодействии нефтяников и оленеводов, но уже в значительно меньшей степени. Как правило, это связано с решением отдельных проблем (небольшие производственные аварии, поддержка мероприятий и проч.):

Иногда нефтяники сами договариваются. Мы вам подарим машину, а вы глаза закройте. Это уже их отношения, мы тогда в это не вмешиваемся (информант № 8).

Также оленеводы по-прежнему отмечают значимость личных контактов, позволяющих быстрее решать существующие проблемы даже при наличии действующих формальных правил:

Сейчас там поменялся директор — надо идти выстраивать отношения. Первый разговор очень важен <...> Если какие-то хорошие отношения с директором устанавливаются, то устанавливаются. Заходите там какие-то вопросы порешать: разливы и всё такое (информант № 9).

В целом в настоящее время в НАО преобладает формализованный путь решения земельных споров между нефтяниками и оленеводами через использование федеральной методики расчёта упущенной выгоды. Это повысило прозрачность процесса принятия решений и значительно уменьшило количество споров. Большинство информантов-оленеводов в своих интервью отметили, что в настоящее время отношения с нефтяниками стабилизировались:

С нефтяниками теперь более бесконфликтно, чем с властью (информант № 10).

Сахалинская область: «Сахалин Энерджи» и «Эксон Нефтегаз лимитед»

Особенности регионального контекста

Сахалинская область расположена на востоке РФ, на острове Сахалин и Курильских островах. Её южная часть покрыта тайгой, которая на севере переходит в лесотундру. Сахалинскую область населяют представители нескольких коренных народов; в основном это нивхи, уйльта, айны, эвенки. Наиболее крупной группой коренных народов Сахалинской области являются нивхи. Они традиционно занимаются рыбной ловлей и охотой. В области действует Региональный совет уполномоченных представителей коренных малочисленных народов севера Сахалинской области, который является основным партнёром для государственной власти и компаний при разработке и реализации программ для КМНС.

Промышленное развитие Сахалина началось в советский период, когда стала развиваться добыча нефти и газа. В настоящее время на Сахалине работают два крупных нефтегазовых проекта — «Сахалин-1» и «Сахалин-2».

Проект «Сахалин-2» начал работать в 1994 г. Его оператором является компания «Сахалин энерджи». Первоначально основным акционером проекта была компания ВР. Затем она продала свои акции Shell. В настоящее время основными акционерами проекта являются «Газпром», Shell, Mitsui и Mitsubishi.

Проект «Сахалин-1» начал работать в 1995 г. Оператором проекта является американская компания «Эксон Нефтегаз лимитед». Акционерами проекта являются японская компания SODECO, индийская государственная нефтяная компания ONGC Videsh Ltd и российская компания «Роснефть».

Как и в НАО, нефтегазовые компании, работающие в Сахалинской области, заключают соглашения о социально-экономическом сотрудничестве с региональными органами власти, оказывают поддержку местным муниципальным образованиям и отдельным организациям. Особое внимание «Сахалин Энерджи» и «Эксон Нефтегаз лимитед» уделяют взаимодействию с коренными народами.

Взаимодействие нефтегазовых компаний и коренных народов

Компании «Сахалин Энерджи» и «Эксон Нефтегаз лимитед» представляют опыт партнёрских отношений с коренными народами. Эта модель отношений сложилась в середине 2000-х гг. Отправной точкой

ее формирования стали выступления коренных народов на Сахалине в 2005–2006 гг. против нефтегазовых компаний. Представители коренных народов были недовольны тем, что компании не учитывали их интересы при ведении промышленной деятельности. Выступления коренных народов поддержали местная НПО «Экологическая вахта Сахалина», а также международные НПО, включая Всемирный фонд дикой природы (WWF), Гринпис, Фонд защиты тропических лесов и др. [Lee 2005]. Наиболее сильное влияние было оказано на компанию «Сахалин Энерджи», так как она являлась заёмщиком у международных банков, потребовавших от неё урегулировать этот конфликт. В результате выступлений обе компании изменили свои стратегии взаимодействия с местными сообществами [Wilson 2012].

Ориентируясь на требования международных организаций, компания «Сахалин Энерджи» разработала «План содействия развитию КМНС Сахалина». Целями этого плана были: (1) укрепление имиджа компании как социально ответственной, (2) установление партнёрских отношений с КМНС и (3) содействие устойчивому развитию КМНС [Сахалин Энерджи... 2010]. Ключевая идея этого плана заключалась в развитии партнёрских отношений с населением:

И тогда было трудно даже объяснить людям, что значит «партнёрство». Это значит, что мы с вами объединяемся, у вас есть свои ресурсы, у нас есть свои ресурсы, мы их объединяем и вместе идём в каком-то общем направлении. Потому что тогда <...> считалось, что компания богатая, и она должна давать, а остальные должны пользоваться. На самом деле ситуация другая. Ресурсы есть у всех, главное — понять, какие это ресурсы (информант № 7).

В основу взаимодействия с коренным населением легли международные стандарты ООН, МВФ, ВБ, МОТ [Wilson 2002]. Также на это повлияли корпоративные стандарты международных корпораций, которые являлись или являются акционерами «Сахалин Энерджи», — Shell, BP. В рамках этого плана компания операционализовала принцип № 7 из декларации ООН по защите прав коренных народов. Это принцип свободного, осознанного и информированного согласия, который предполагает участие представителей коренных народов в принятии решений, касающихся их среды обитания. В данном случае компания предложила использовать этот принцип при распределении корпоративных средств на социальные проекты и привлекать к принятию решений представителей коренных народов. Компания стремилась создать прозрачную и коллегиальную форму принятия решений. Коренные народы получили возможность участвовать в распределении этих средств.

Основным партнёром по разработке и реализации этого плана стал Региональный совет уполномоченных представителей коренных малочисленных народов севера Сахалинской области. Также в разработке плана участвовали власти Сахалинской области и эксперты. План способствует двум основным направлениям — социальные программы и поддержка традиционного природопользования. Первое направление связано с финансированием проектов по здравоохранению, культуре, образованию; второе — с оказанием финансовой помощи отдельным хозяйствам, что даёт им возможность приобрести необходимое оборудование (моторы, станки, лодки, машины). В управлении «Планом содействия» принимают участие представители компании и органов власти, но основное место занимают представители малочисленных народов. С одной стороны, возможность местных жителей самим определять приоритеты в распределении средств на социальные проекты способствует включению жителей в обсуждение значимых для них тем, подталкивает к развитию местных инициатив, позволяет учитывать нужды и интересы местных жителей. С другой стороны, возможность повлиять на распределение этих средств ведёт к внутренним конфликтам среди местного сообщества. «План содействия» реализуется на всей территории Сахалинской области, даже на территориях, не находящихся в непосредственной близости от работы проекта «Сахалин-2». Два раза в год осуществляется независимый мониторинг «Плана содействия» международными экспертами. Первый пятилетний план был реализован в 2006–2010 гг., второй — в 2011–2015 гг. В настоящее время реализуется третий план. Модель «Сахалин

Энерджи» по взаимодействию с коренными народами признана одной из наиболее успешных в мире. Подходы к взаимодействию с КМНС, использованные в этой модели, были переняты другими компаниями.

Компания «Эксон Нефтегаз лимитед», опираясь на опыт «Сахалин Энерджи», разработала похожую модель взаимодействия с коренными народами. У компании также существует трёхстороннее соглашение с представителями областной власти и коренных народов, работает консультативный комитет. Основные решения по распределению средств на социальные проекты компания принимает сама, но обсуждение возможных проектов проводится коллегиально, и в нём принимают участие три представителя компании, представитель правительства Сахалинской области, три члена Регионального совета уполномоченных представителей малочисленных народов Сахалинской области. Зона поддержки социальных программ для коренных народов у «Эксон Нефтегаз лимитед» меньше, чем у «Сахалин Энерджи». «Эксон Нефтегаз лимитед» поддерживает только те районы, где эта компания ведёт хозяйственную деятельность (Ноглики и Оха). Кроме того, направления финансовой поддержки у «Эксон Нефтегаз лимитед» тоже уже: образование, культура, здравоохранение. Компания предоставляет гранты только организациям — школам, библиотекам, домам культуры, общинам и т. д. Гранты на поддержание традиционной хозяйственной деятельности отдельным хозяйствам компания не даёт.

Обе компании разработали эффективные системы взаимодействия с местными сообществами. «Сахалин Энерджи» разработала для местных жителей, недовольных работой компании, процедуру подачи жалоб. Она имеет информационные центры в различных населённых пунктах, а также специалистов по связям с населением. «Эксон Нефтегаз лимитед» имеет сеть координаторов — представителей компании, которые на местах взаимодействуют с населением. В их обязанности входят организация встреч с населением, а также регулярные отчёты о том, что происходит в посёлках. Обе компании раз в полгода организуют встречи и консультации с населением, проводят мониторинг всех реализованных проектов. Всё это способствует мирному сосуществованию нефтяников и коренных жителей.

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра: «Сургутнефтегаз»

Описание регионального контекста

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО) входит в состав Тюменской области. Его административным центром является город Ханты-Мансийск. По уровню экономического и социального развития округ занимает третье место в рейтинге российских регионов. Население округа составляло в 2016 г. 1 626 755 человек. На территории округа проживают коренные народы — ханты, манси, ненцы. Они составляют около 2% всего населения округа (30 тыс. человек). Многие из них сохранили традиционный уклад жизни.

Основой благополучия округа является нефтедобыча, где первое месторождение нефти было открыто в 1960 г. В настоящее время здесь добывается 60% всей российской нефти. Крупнейшими нефтяными компаниями, работающими в регионе, являются ОАО «Роснефть», ОАО «Сургутнефтегаз», ОАО «Лукойл». Как и в других регионах, компании ежегодно заключают соглашения о социально-экономическом сотрудничестве с губернатором ХМАО. Размеры и направления помощи региону со стороны компании определяются по итогам обсуждения между руководством компании и региональными властями. Помощь компаний включает строительство или ремонт объектов социальной инфраструктуры в посёлках. Как правило, это здания школ, детских садов, домов культуры, строительство дорог и пр. Кроме того, компании по соглашению с региональными властями ежегодно строят какое-то количество жилых домов и оказывают адресную помощь спортивным, образовательным и медицинским учреждениям, находящимся на территории округа, администрациям отдельных районов и по-

селков. Как и в большинстве других российских регионов, компании ориентируются на пожелания региональных властей при разработке своих социальных программ:

Предложение готовит прежде всего округ, он говорит: «Вот давайте то-то, то-то сделаем». Вот губернатор первого мая подписал новое соглашение. По нему большая часть денег направлена на реконструкцию дорог в городе, потому что выборы, потому что люди будут возмущаться (информант № 4).

«Сургутнефтегаз» — одна из крупнейших нефтегазовых компаний в регионе. Она занимает второе место по объёмам нефтедобычи в ХМАО после «Роснефти». Это единственная нефтегазовая компания, которая зарегистрирована в округе и является его основным налогоплательщиком. Налоговые платежи «Сургутнефтегаза» обеспечивают 40% всех поступлений в бюджет округа. Компания рассматривает свои социальные программы и социальную поддержку местным сообществам как часть корпоративной стратегии, направленной на повышение эффективности работы компании и управление рисками.

Взаимодействие «Сургутнефтегаза» с коренными народами

Одно из основных направлений социальной политики компании — взаимодействие с коренными народами. Компания выплачивает компенсации за промышленное воздействие. Компенсации начисляются на основе типовых договоров, которые были разработаны совместно с региональными властями. Инициатором разработки таких типовых соглашений стали сами нефтегазовые компании, поскольку это позволяет снизить их транзакционные издержки при взаимодействии с местными жителями:

Мы собрались и потребовали утвердить единую форму для всех: «Давайте, ребята! Ну, что это такое? Один то требует, другой это требует». Они долго упирались: «Как мы можем? Это же договор, две стороны договаривающиеся». Ну, вот всё-таки они пошли на типовую форму, но уходят от ответственности за это и говорят: «Ну, это как бы наши рекомендации» (информант № 4).

Если коренные жители имеют официально закреплённые ТТП, то соглашения заключаются напрямую с домохозяйствами. Как правило, по таким договорам компания предоставляет коренным жителям снегоходы, лодочные моторы, бензопилы, горючее, а также осуществляет оплату обучения детей. Если местные жители не имеют формально закреплённых за ними участков, то отчисления делаются компанией в пользу администрации района, которая затем распределяет эти средства. Но коренные жители бывают недовольны распределением через администрацию, поскольку какая-то часть средств уходит на нужды других поселений:

Сперва обвиняли одного старосту: не так распределяли... Сейчас другой староста, всё равно не так распределяют. Когда не сам заработал, хоть как распределяй, всё равно правильно не распределит (информант № 4).

Ещё одним поводом для недовольства со стороны коренных жителей является то, что они должны платить налоги в размере 13% с той помощи, которую они получают от компании. Это связано с тем, что «Сургутнефтегаз» подаёт в налоговые органы сведения о компенсациях коренным народам как об источнике дохода, а не как о производственных затратах и компенсации за причинённый ущерб. В результате возникает ситуация, когда местные жители вынуждены заплатить больше наличных денег, чем они получили от компании, так как налогом облагаются не только денежные средства, полученные от компании, но и все материальные блага (например, бензин, строительный материал и проч.).

При реализации своих проектов компания проводит общественные слушания и консультации с местными жителями, на которых те могут высказать свои опасения и предложения по поводу деятельности компании. Однако в ряде случаев, как отмечают местные жители, эти слушания носят формальный характер и не всегда позволяют согласовать планы компании с ожиданиями местных жителей:

Рассказали о достижениях администрации, уже вертолёт закрутился, люди даже А и Б не успели сказать. Они говорят: «Извините, у нас уже вертолёт». Вот такие вот сходы (информант № 3).

Если конфликт интересов с местными жителями компании не удаётся уладить самостоятельно, то создается согласительная комиссия на уровне округа, которая принимает распоряжение о том, разрешать ли нефтяникам работать на этой территории и с какими ограничениями.

Наконец, для некоторых коренных жителей более ценным представляется возможность вести традиционный образ жизни на своих землях, чем получать компенсации от нефтяников:

Многих можно купить, но многие же не хотят. Что мы оставим своему будущему поколению? Чтоб они потом сказали: «Наши деды всё продали, всё» (информант № 3).

Заключение таких соглашений поэтому не всегда является универсальным инструментом разрешения данной проблемы.

Сравнение кейсов

Собранный материал продемонстрировал разные подходы к разработке соглашений о распределении благ от нефтегазовой промышленности между компаниями и коренными народами в российских регионах. В изученных кейсах присутствовали элементы трёх основных моделей: (1) партнёрство; (2) корпоративная социальная ответственность (КСО); (3) патернализм.

Элементы первых двух моделей представлены в деятельности компаний «Сахалин Энерджи» и «Эксон Нефтегаз лимитед». Компании пытаются выстраивать партнёрские отношения с местными сообществами, опираясь на принципы корпоративной этики и международные стандарты, защищающие права коренных народов. Их опыт характеризуется несколькими основными чертами. Во-первых, важным оказывается установление равноправного диалога со стейкхолдерами и урегулирование конфликтов с местным населением, поскольку это повышает имидж компаний как социально ответственных. Нерешённые конфликты с местными сообществами могут препятствовать получению займов от международных финансовых институтов и позиционированию компании на мировых рынках. Так, в случае «Сахалин Энерджи» наличие займов в международных финансовых банках заставило компанию активно внедрять международные стандарты по взаимодействию с коренными народами и разрабатывать более обширные социальные программы. Во-вторых, компании активно подключают местных жителей к принятию решений, связанных с распределением средств на социальные проекты на данной территории. При этом «Сахалин Энерджи» делегировала основные полномочия представителям коренных народов в этом вопросе. Компания «Эксон Нефтегаз лимитед» оставила за представителями местных сообществ право совещательного голоса. В ситуации обеспокоенности местных жителей вопросами воздействия промышленной деятельности на их среду обитания организуются дополнительные исследования, в которых могут участвовать сами жители. Так, для разрешения вопроса о воздействии сейсморазведки на поведение рыб представители КМНС работали наблюдателями в период её проведения. Также в «Сахалин Энерджи» используется процедура подачи жалоб в

компанию. В-третьих, процесс принятия решений, затрагивающих интересы КМНС, определяется прозрачными и формализованными процедурами. Например, при распределении средств компаний на нужды КМНС используется строго определённая процедура обсуждения и голосования. Информация о результатах этого обсуждения, о размерах помощи и благополучателях открыта для местного сообщества. В-четвёртых, основные направления социальных инвестиций в сахалинском кейсе связаны с развитием и поддержкой местных инициатив, а не с созданием готовых объектов социальной инфраструктуры или покупкой определённых товаров. Компании стараются не столько создавать готовые объекты социальной инфраструктуры, сколько стимулировать местных жителей предлагать и реализовывать собственные проекты. Примерами могут служить гранты, которые даются компаниями на развитие собаководства, закупку перерабатывающего оборудования, возрождение национального языка и проч. В-пятых, большое внимание в процессе взаимодействия с местными жителями компании уделяют проведению обучающих тренингов и семинаров. Основная цель таких семинаров заключается в том, чтобы научить жителей выстраивать партнёрские отношения с компаниями, выступать с инициативами, разрабатывать и реализовывать собственные проекты. В-шестых, компании осуществляют регулярное информирование местных жителей о своей деятельности и мониторинг их мнения. Это происходит при помощи работы информационных центров, ежегодных встреч с населением, системы подачи жалоб в компанию и работы координаторов по взаимодействию с местными жителями. Всё это позволяет компаниям урегулировать конфликты на стадии их возникновения. Наконец, компании привлекают к оценке своей деятельности международных экспертов, которые проводят аудит их социальных программ, что означает независимую оценку внешними экспертами социальных инвестиций.

В деятельности компаний «Лукойл-Коми» и «Сургутнефтегаз» в большей степени представлены элементы патернализма и корпоративной социальной ответственности. С одной стороны, компании ориентируются на международные стандарты КСО, имеют соответствующие корпоративные политики, заботятся о своём имидже на мировых рынках. С другой стороны, практики КСО отчасти напоминают советский опыт. Они характеризуются «родительской» опекой компаний местных сообществ и стремлением принимать основные решения самостоятельно, без широких общественных обсуждений. Данные кейсы характеризуются рядом черт. Во-первых, основным партнёром при обсуждении социальных инвестиций и промышленной деятельности в этом случае выступают органы власти. Мнение местных сообществ учитывается в меньшей степени. Во-вторых, наблюдается недостаток формализованных площадок взаимодействия. Так, нет регулярной системы мониторинга по отслеживанию мнений и пожеланий местного населения. Первоначально существовал недостаток формализованных инструментов при определении размера компенсаций для коренных жителей. Чем меньше формализованных инструментов решения проблем, тем больше практики социальной ответственности стремятся к патерналистской модели. Например, в одном из районов ХМАО, где официально не выделены ТТП и нет возможности использовать правовые инструменты для выплаты компенсаций отдельным хозяйствам, процветает государственный патернализм. Компания выделяет общую сумму местной администрации, которая распределяет ее по своему усмотрению. Размеры материальной помощи и процедура ее распределения в этом случае непрозрачны. Ещё один пример — ситуация в НАО. В период, когда взаимодействие нефтяников и коренных народов строилось на неформальных договорённостях, преобладали патерналистские отношения. Когда в округе начала активно использоваться федеральная методика расчёта убытков, отношения стали более формализованными и приближёнными к модели КСО. В-третьих, основные направления социальной помощи заключаются в создании объектов социальной инфраструктуры, покупке необходимых товаров, предоставлении транспорта. Приоритет при реализации социальных программ отдаётся проектам, связанным со строительством или ремонтом объектов социальной инфраструктуры (спортзалы, школы и проч.) и с проведением спортивных или культурных мероприятий. Развитию местных инициатив и местного предпринимательства здесь уделяется меньше внимания.

В изученных случаях сложились различные формы распределения благ. Во всех трёх регионах это делалось через налогообложение и соглашения о частно-государственном партнёрстве с региональными властями. Формы распределения благ представителям малочисленных народов различались. В НАО первоначально заключались договоры о сотрудничестве, в соответствии с которыми компании приобретали товары для оленеводов. В денежной форме такие компенсации перечислялись редко, чтобы избежать злоупотреблений со стороны руководства оленеводческих хозяйств. Взамен оленеводы давали согласие на использование их земель нефтяниками. Размер этих компенсаций определялся в ходе личных встреч с нефтяниками без чётко обозначенных критериев. Процесс обсуждения был закрытым. Постепенно в округе стала использоваться федеральная методика расчёта упущенной выгоды. Она сделала выплаты компенсаций прозрачными и стандартизированными, что способствовало улучшению отношений между оленеводами и нефтяниками. В ХМАО также ключевой проблемой во взаимодействии нефтяников с малочисленными народами были земельные споры. Основным инструментом здесь стали типовые договоры о сотрудничестве, которые заключаются нефтегазовыми компаниями с оленеводами. При этом размеры выплат по таким договорам различаются в разных компаниях на территории региона. Наконец, в Сахалинской области большая часть коренного населения занимается рыбной ловлей, поэтому вопрос компенсаций за отчуждение земель там не стоит так остро. Компаниями «Сахалин Энерджи» и «Эксон Нефтегаз лимитед» были разработаны системы грантов для КМНС, которые распределяются при участии представителей коренного населения.

Таким образом, в случае партнёрской модели взаимодействия наиболее важным оказывается процедурный аспект распределения благ, то есть прозрачность, открытость и доступность процесса принятия решений. Так, распределение грантов «Сахалин Энерджи» для коренных жителей производится представителями малочисленных народов по чётким критериям. В случае модели КСО доминирующими являются представления о распределении благ как о стратегии повышения эффективности деятельности компании, улучшения её имиджа в глазах инвесторов и властей, уменьшения рисков. В случае патерналистской модели главное значение имеет распределительный аспект: какие группы акторов в каком количестве получают имеющиеся блага? В то же время самой процедуре распределения благ уделяется значительно меньше внимания. Неудивительно поэтому, что элементы патерналистской модели преобладают в тех кейсах, где нет хорошо работающих формальных правил. Чаще используются полуформальные практики взаимодействия и личные знакомства, нежели строго формализованные процедуры, нередко звучат отсылки не только к законодательству и стандартам, но и к авторитету руководителя.

Однако всё это не означает, что в реальности применение партнёрской модели однозначно лучше способствует более результативному распределению средств среди местных сообществ. В ряде случаев наблюдались непредвиденные последствия реализации этих двух стратегий. Партнёрская модель отношений предполагает готовность не только компании, но и сообщества действовать прозрачно. Кроме того, такая модель означает способность сообщества нести ответственность за принятые решения. Но это не всегда удаётся. Так, в Сахалинской области делегирование компанией полномочий представителям малочисленных народов по распределению грантов между хозяйствами привело к конфликтам внутри самого сообщества коренных народов по вопросу выбора грантополучателей.

Другим примером неоднозначности выгод и издержек каждой модели может служить эффективность реализации социальных программ компаний. В случае партнёрской модели предпочтение отдаётся поощрению местных инициатив и обучению местного населения предпринимательству. С точки зрения теории корпоративной социальной ответственности такие программы считаются более предпочтительными, потому что в меньшей степени способствуют возникновению иждивенческих настроений и подталкивают местных жителей к самоорганизации. Как правило, это выражается в известной формуле «дать удочку вместо рыбы». В то же время на практике далеко не все такие обучающие программы

оказываются эффективными. В ряде случаев вложение корпоративных средств в строительство значимых объектов социальной инфраструктуры оказывается более надёжным инструментом реализации социальных инвестиций.

Ещё одним препятствием для реализации партнёрской модели является вопрос о том, какие группы в обществе легитимируют работу компании. С точки зрения международной практики ключевой игрок здесь — общество, но в России это право принадлежит власти. Для того чтобы заслужить одобрение власти, компании должны проявить свою заинтересованность в развитии региона, выходящую за пределы простых налоговых выплат. Отчасти это связано с советской традицией зависимости промышленных компаний от государственной политики, а также с перестроечным опытом решения проблем бизнеса через неформальные договорённости с властью.

Заключение

В целом формирующаяся модель взаимодействия определяется сложившейся канстелляцией акторов. Важными оказываются сила давления на компании со стороны губернаторов регионов, зависимость компаний от международных инвесторов, готовность местных жителей использовать свои права, особенности корпоративных политик, уровень конкуренции между самими компаниями в регионе. Так, в Сахалинской области действовало большее количество транснациональных акторов, влиявших на внедрение международных стандартов. К ним относились международные финансовые институты и транснациональные НПО, а также транснациональные корпорации, имевшие опыт работы с коренными народами в других странах. Следствием этого стало создание более широких площадок для переговоров, где обсуждались правила распределения благ. Особое внимание в процессе обсуждения уделялось процедурным аспектам распределения, что способствовало разработке и внедрению широких демократических процедур принятия решений. Коренные народы получили право голоса при распределении грантов. В случае НАО и ХМАО роль транснациональных акторов была значительно меньше, поэтому ключевую роль там играли региональные власти и компании, которые воспроизводили советский и постсоветский опыт. Результатом стал более узкий круг акторов, участвующих в распределении благ, а также менее формализованные инструменты принятия решений. Благодаря разработке и внедрению формальных правил расчёта компенсаций увеличилась прозрачность распределения средств и уменьшилось количество конфликтов между нефтяниками и оленеводами. В случае НАО стала использоваться федеральная методика расчёта упущенной выгоды; в случае ХМАО по инициативе компаний были разработаны типовые договоры. В каждом регионе разработанные или заимствованные формальные правила были адаптированы к местному контексту и привели к возникновению собственной практики распределения благ.

Принципиальная разница между этими моделями заключалась в преобладании различных подходов к развитию и поддержке местных сообществ. В Сахалинской области основное внимание уделялось использованию так называемых механизмов развития, нацеленных на включение коренных народов в «нефтяное общество» с учётом особенностей их традиционной культуры и с предоставлением им небольших возможностей в соуправлении. План содействия «Сахалин Энерджи» ориентирован на развитие новых видов деятельности малочисленных народов или адаптацию традиционных видов к рыночному контексту. Несмотря на то что план успешно внедряется, в регионе по-прежнему существуют большие ожидания в отношении использования компенсаций и развития соответствующей правовой базы (например, выделение ТТП или принятие регионального закона об этнологической экспертизе). В НАО и ХМАО основной акцент делался на использование компенсаторных механизмов, подразумевающих выплату компенсаций за нанесённый ущерб. Это соответствовало российской правовой базе, закрепляющей компенсацию как основной механизм урегулирования конфликтов между нефтяниками и коренными народами. Также обращение к компенсаторным механизмам было подкреплено соответствующими ожиданиями местных сообществ и предшествующим опытом. Институционализация

таких механизмов и некоторый рост размера компенсаций привели к стабилизации отношений между нефтяниками и оленеводами. Но надо понимать, что размер этих компенсаций всё равно не позволяет перестроить традиционное хозяйство на новой основе.

В целом нефтяная экспансия способствовала значительным социальным и культурным трансформациям в местных сообществах, что нашло отражение в нескольких основных моментах:

- нефтедобыча усилила этническую дифференциацию в сообществах. Если в советское время принадлежность к коренным народам стигматизировалась, то теперь она даёт право на получение компенсаций от нефтяных компаний и участие в корпоративных грантовых программах, поэтому важным является подтверждение своей принадлежности к коренным малочисленным народам. Одновременно усилилась борьба за получение такого статуса со стороны других этнических групп;
- нефтяная экспансия заставила коренные народы отказываться от территорий традиционного проживания в обмен на некоторую материальную помощь. Жизнь коренных народов всегда была тесно связана с землями, на которых они обитали. Эти территории не только были основой их хозяйственной жизни, но и составляли фундамент их духовной культуры. Отторжение традиционных территорий проживания приводит к размыванию их социальных норм и разрушению национальной идентичности;
- влияние нефтяников на развитие определённых практик хозяйственной и культурной жизни коренных народов. Как доминирующие игроки, принимающие решения о грантовой поддержке тех или иных культурных промыслов, хозяйственных или инфраструктурных проектов, нефтяники влияют на выбор дальнейших направлений развития коренных народов. Но при выборе грантовых проектов менеджеры и эксперты очень часто руководствуются стереотипными представлениями о традиционной культуре, поэтому поддерживаемые ими направления ориентированы на воспроизводство сувенирной культуры и консервацию прежних практик, а не на поиск новых возможностей для развития.

Приложение

Таблица П.1

Список информантов, интервью с которыми процитированы в статье

Информант	Сфера занятости	Дата интервью	Место проведения интервью
№ 1	Оленевод	28 мая 2011 г.	г. Нарьян-Мар, НАО
№ 2	Сотрудник нефтегазовой компании	13 июня 2011 г.	г. Нарьян-Мар, НАО
№ 3	Оленевод	19 января 2014 г.	посёлок Т., ХМАО
№ 4	Сотрудник нефтегазовой компании	24 января 2014 г.	г. Сургут
№ 5	Сотрудник нефтегазовой компании	10 февраля 2015 г.	г. Усинск, Республика Коми
№ 6	Сотрудник нефтегазовой компании	10 февраля 2015 г.	г. Усинск, Республика Коми
№ 7	Сотрудник нефтегазовой компании	12 августа 2015 г.	г. Южно-Сахалинск, Сахалинская область
№ 8	Союз оленеводов	11 января 2017 г.	г. Нарьян-Мар, НАО
№ 9	Директор оленеводческого хозяйства	13 января 2017 г.	посёлок С., НАО
№ 10	Директор оленеводческого хозяйства	13 января 2017 г.	посёлок С., НАО

Литература

- Земельный кодекс Российской Федерации. 2001. 25 октября. № 136-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/
- Кряжков В. А. 2002. Коренные малочисленные народы России и международное право. В сб.: Новикова Н., Тишков В. (отв. ред.). *Обычай и закон: исследования по юридической антропологии*. М.: Издательский дом «Стратегия»; 109–134.
- Мурашко О. А. 2006. Опыт проведения этнологической экспертизы в Ямало-Ненецком автономном округе. В сб.: Мурашко О. А. (отв. ред.). *Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы*. М.: Наука; 5–18.
- Новикова Н. И. 2013. Коренные народы российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков. *Арктика: экология и экономика*. 3 (11): 102–111.
- Новикова Н. 2014. *Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии*. М.: Наука.
- О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации (№ 82-ФЗ). *Федеральный закон от 30 апреля 1999 г.* URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>
- О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (№ 49-ФЗ). *Федеральный закон от 7 мая 2001 г.* URL: <http://base.garant.ru/12122856/>
- Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) (№ 104-ФЗ). *Федеральный закон от 20 июля 2000 г.* URL: <http://base.garant.ru/182356/>
- Об экологической экспертизе (№ 174-ФЗ). *Федеральный закон от 23 ноября 1995 г.* URL: <http://base.garant.ru/10108595/>
- Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд. 2010. План содействия развитию коренных малочисленных народов севера Сахалина. Отчёт о финальной оценке реализации плана. URL: <http://www.sakhalinenergy.ru/media/965021ea-a444-46fa-9e91-afb45a3a90b3.pdf>
- Терёхина А. Н., Функ Д. А. 2015. Старые и новые идентичности. В сб.: Функ Д. А. (отв. ред.). *Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов севера Сахалина*. М.: Демос; 14–41.
- Bilgin M. 2001. Energy Security and Russia's Gas Strategy: The Symbiotic Relationship between State and Firms. *Communist and Post-Communist Studies*. 44: 119–127.
- Boasson E., Wettestad J., Bohn M. 2006. *CSR in the European Oil Sector: A Mapping of Company Perceptions*. FNI-rapport 9/2006. Lysaker: The Fridtjof Nansen Institute.
- Bradshaw M. 2005. Environmental Groups Campaign against Sakhalin-2 Project Financing. *Pacific Russia Oil & Gas Report*. VII (1): 14–18.

- Bradshaw M. 2008. The Sakhalin Saga: Energy, Politics and the Environment. *Journal of Politics and Culture*. 40: 56–68.
- Bradshaw M. 2010. A New Energy Age in Pacific Russia: Lessons from the Sakhalin Oil and Gas Projects. *Eurasian Geography and Economics*. 51 (3): 330–359.
- Bridge G. 2008. Global Production Networks and the Extractive Sector: Governing Resource-Based Development. *Journal of Economic Geography*. 8: 389–419.
- Coe N., Dichen P., Hess M. 2008. Global Production Networks: Realizing the Potential. *Journal of Economic Geography*. 8: 272–295.
- McDermott M., Mahanty S., Schreckenber K. 2013. Examining Equity: A Multidimensional Framework for Assessing Equity in Payments for Ecosystem Services. *Environmental Science and Policy*. 33: 416–427.
- EBRD. 2014. Environment and Social Policy. London: EBRD. URL: www.ebrd.com/who-we-are/our-values/environmental-and-social-policy/performance-requirements.html%20
- O’Faircheallaigh C. 2013. Community Development Agreements in the Mining Industry: An Emerging Global Phenomenon. *Community Development*. 44 (2): 222–238.
- Fidler C., Hitch M. 2007. Impact and Benefit Agreements: A Contentious Issue for Environment and Aboriginal Justice. *Environments Journal*. 35 (2): 49–69.
- Henry L., Nysten-Haarala S., Tulaeva S., Tysiachniuk M. et al. 2016. Corporate Social Responsibility and the Oil Industry in the Russian Arctic: Global Norms and Neo-Paternalism. *Europe and Asia Studies*. 68 (8): 1340–1368.
- Kenett S. 1999. *A Guide to Impact and Benefits Agreements*. Calgary: Canadian Institute of Resources Law.
- Kvale S. 1996. *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Lee J. 2005. *Squaring Off on Sakhalin: A «Glocal» NGO Campaign against Big Oil*. Geneva: Centre for Applied Studies in International Negotiations.
- Lewis T. 2011. Global Civil Society and Distribution of Environmental Goods. In: Carmin J., Agyeman J. (eds) *Environmental Inequalities beyond Borders: Local Perspectives on Global Injustices*. Cambridge: MIT Press; 87–104.
- Novikova N., Wilson E. 2013. The Sakhalin-2 Project Grievance Mechanism. In: Wilson E., Blackmore E. (eds) *Dispute or Dialogue: Community Perspectives on Company-Led Grievance Mechanisms*. London: International Institute for Environment and Development; 84–109.
- Pierk S., Tysiachniouk M. 2016. Structures of Mobilization and Resistance: Confronting the Oil and Gas Industries in Russia. *Extractive Industries and Society*. 3: 997–1009. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.exis.2016.07.004>

- Reyna St., Behrends A. 2011. Crazy Curse and Crude Domination. In: Behrends A., Reyna St., Günther Sch. (eds). *Crude Domination. An Anthropology of Oil*. New York; Oxford: Berghahn Books; 3–29.
- Rogers D. 2015. *The Depths of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Sen A. 1992. *Inequality Re-examined*. Oxford: Oxford University Press.
- Stammler F. 2005. *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalization at the End of the Land*. Muenster: Litverlag.
- Stammler F. 2011. Oil without Conflicts. The Anthropology of Industrialization in Northern Russia. In: Behrends A., Reyna St., Günther Sch. (eds) *Crude Domination. An Anthropology of Oil*. New York; Oxford: Berghahn Books; 243–269.
- Stammler F., Wilson E. 2006. Dialogue for Development: An Exploration of Relations between Oil and Gas Companies, Communities and the State. *Sibirica*. 5 (2): 1–42.
- Tysiachniouk M. 2016. Benefit Sharing Arrangements in the Arctic: Promoting Sustainability of Indigenous Communities in Areas of Resource Extraction. *Arctic and International Relations Series*. 4: 18–21. URL: www.jsis.washington.edu/arctic/research/arctic-and-international-relations-series/
- Wilson E. 1999. Conflict or Compromise? Traditional Natural Resource Use and Oil Exploitation in Northeastern Sakhalin, Nogliki District. In: Murakami T. (ed.) *Russian Regions: Economic Growth and Environment*. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University; 273–299.
- Wilson E. 2002. Est' zakon, est' i svoy zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin. In: Kasten E. (ed.) *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag; 149–168.
- Wilson E. 2012. The Oil Company, the Fish, and the Nivkhi: The Cultural Value of Sakhalin Salmon. In: Colombi B. J., Brooks J. F. (eds) *Keystone Nations: Indigenous Peoples and Salmon across the North Pacific*. Santa Fe, NM: SAR Press; 25–46.
- Wilson E., Fjaertoft D. 2016. Partnership or Dependency? Local Perceptions of the Petroleum Industry Ripple Effect in the Komi Republic. *Russian Analytical Digest*. 181 (6 April): 12–14.
- United Nations. 2008. *UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples*. URL: http://www.un.org/esa/socdev/unpfii/documents/DRIPS_en.pdf
- United Nations. 2009. *Guidelines on Indigenous Peoples' Issues*. URL: http://www.un.org/esa/socdev/unpfii/documents/UNDG_guidelines_EN.pdf
- United Nations. 2011. *Guiding Principles on Business and Human Rights*. URL: www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_EN.pdf

BEYOND BORDERS

Svetlana Tulaeva, Maria Tysiachniouk

Between Oil and Deer

Benefit Sharing Arrangements between Oil Companies and Indigenous People in Russian Arctic and Subarctic Regions

TULAEVA, Svetlana — Candidate of Science in Sociology, PhD in Legislative Studies, Assistant Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Department of Comparative Political Studies. Address: 7 A Zelenkov pereulok, St. Petersburg, 194044, Russian Federation.

Email: svett07@mail.ru.

TYSIACHNIOUK, Maria — Candidate of Science in Biology, PhD in Sociology, a postdoctoral researcher at the Environmental Policy Group at Wageningen University, the Netherlands; chair of the Environmental Sociology Group at the Centre for Independent Social Research. Address: 87, Ligovski prospect, 197021, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: tysiachn@yandex.ru

Abstract

This research provides insight into various modes of benefit-sharing agreements between oil and gas companies and indigenous people in the Russian Arctic and Subarctic regions. We indicate three main modes of benefit sharing, as follows: (1) paternalism, (2) corporate social responsibility, and (3) partnership. The paternalistic mode is characterized by a hierarchical type of interaction, which implies a patron and clients. This system of obligations is based on practices of informal interaction, and the decision-making process is neither formal, nor transparent. The mode of corporate social responsibility aims to raise investment attractiveness and the productive efficiency of the company, supporting its image as a socially responsible operator. In this mode, the key decisions are made by the company executives in view of state legislation, corporate policies, international standards, and investors' demands. Finally, the partnership mode suggests equal opportunities for dialogue and decision making for all sides involved — the state authorities, companies, local people, and experts. It is based on global standards that protect the rights of local indigenous communities. This work examines the factors that influence those modes and their efficiency. It asks what is most important in their making: Is it regional specifics, dependency from international actors, details of corporate policies, or the level of local community organization? What instruments of benefit sharing turn out to be most favorable in the Russian context? Our

research was conducted using qualitative research methods in three regions of Russia (Nenets Autonomous Okrug [NAO], Khanty-Mansi Autonomous Okrug, and Sakhalin). The article is based on the materials of several field expeditions to NAO in 2011 and 2017, Khanty-Mansi Autonomous Okrug in 2014, and Sakhalin in 2013 and 2015. The main sources for analysis were interviews with representatives of oil companies, authorities, indigenous peoples, and the expert community. A total of 130 semi-structured interviews were conducted. In addition, we used materials from observation and document analysis (Russian legislation, international standards, and corporate reports).

Keywords: benefit sharing arrangements; Indigenous People; oil and gas companies; corporate social responsibility; paternalism; partnership.

Acknowledgements

The research was supported by Academy of Finland (grant “Oil production networks in Russian Arctic: societal impacts and future possibilities”), the NWO, the Netherlands Organization for Scientific Research, Arctic

Program (grant ‘Developing benefit sharing standards in the Arctic’) and Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (grant “New tools of governance in Russian Arctic and Subarctic”).

References

- Bilgin M. (2001) Energy Security and Russia’s Gas Strategy: The Symbiotic Relationship between State and Firms. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 44, pp. 119–127.
- Boasson E., Wettestad J., Bohn M. (2006) *CSR in the European Oil Sector: A mapping of Company Perceptions*. FNI-rapport 9/2006, Lysaker: The Fridtjof Nansen Institute.
- Bradshaw M. (2005) Environmental Groups Campaign against Sakhalin-2 Project Financing. *Pacific Russia Oil & Gas Report*, vol. VII, no 1, pp. 14–18.
- Bradshaw M. (2008) The Sakhalin Saga: Energy, Politics and the Environment. *Journal of Politics and Culture*, vol. 40, pp. 56–68.
- Bradshaw M. (2010) A New Energy Age in Pacific Russia: Lessons from the Sakhalin Oil and Gas Projects. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 51, no 3, pp. 330–359.
- Bridge G. (2008) Global Production Networks and the Extractive Sector: Governing Resource-Based Development. *Journal of Economic Geography*, vol. 8, pp. 389–419.
- Coe N., Dichen P., Hess M. (2008) Global Production Networks: Realizing the Potential. *Journal of Economic Geography*, vol. 8, pp. 272–295.
- McDermott M., Mahanty S., Schreckenber K. (2013) Examining Equity: A Multidimensional Framework for Assessing Equity in Payments for Ecosystem Services. *Environmental Science and Policy*, vol. 33, pp. 416–427.
- EBRD (2014) *Environment and Social Policy*, London: EBRD. Available at: www.ebrd.com/who-we-are/our-values/environmental-and-social-policy/performance-requirements.html%20 (accessed 23 September 2016).
- O’Faircheallaigh C. (2013) Community Development Agreements in the Mining Industry: An Emerging Global Phenomenon. *Community Development*, vol. 44, no 2, pp. 222–238.
- Fidler C., Hitch M. (2007) Impact and Benefit Agreements: A Contentious Issue for Environment and Aboriginal Justice. *Environments Journal*, vol. 35, no 2, pp. 49–69.
- Henry L., Nysten-Haarala S., Tulaeva S., Tysiachniouk M. (2016) Corporate Social Responsibility and the Oil Industry in the Russian Arctic: Global Norms and Neo-Paternalism. *Europe and Asia Studies*, vol. 68, no 8, pp. 1340–1368.
- Kenett S. (1999) *A Guide to Impact and Benefits Agreements*. Calgary: Canadian Institute of Resources Law.
- Kryazhkov V. (2002) Korennye malochislennyye narody Rossii i mezhdunarodnoe pravo [Indigenous Peoples of Russian and International Law]. *Obychay i zakon: issledovanya po yuridicheskoy antropologii* [The

- Custom and the Law: A Study on Legal Anthropology], Moscow: Publishing House Strategy, pp. 109–134 (in Russian).
- Kvale S. (1996) *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*, Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Lee J. (2005) *Squaring Off on Sakhalin: "Glocal" NGO Campaign against Big Oil*, Geneva: Centre for Applied Studies in International Negotiations.
- Lewis T. (2011) Global Civil Society and Distribution of Environmental Goods. *Environmental Inequalities Beyond Borders: Local Perspectives on Global Injustices* (eds. J. Carmin, J. Agyeman), Cambridge: MIT Press, pp. 87–104.
- Murashko O. A. (2006) Opyt provedeniya etnologicheskoy ekspertizy v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge [Experience of Holding the Ethnological Expertise in the Yamalo-Nenets Autonomous District]. *Etnologicheskaya ekspertiza v Rossii i mezhdunarodnye standarty otsenki vozdeystvia proektov na korennyye narody* [Ethnological Expertise in Russia and International Standards Assess the Impact of Projects on Indigenous Peoples] (ed. O. A. Murashko), Moscow: Nauka, pp. 5–18 (in Russian).
- Novikova N. (2013) Korennyye narodi rossiyskogo Severa i neftegazovye kompanii: preodolenie riskov [Indigenous Peoples of the Russian North and the Oil and Gas Companies: Managing Risk]. *Arctic: Ecology and Economy = Arktika: ekologiya i ekonomika*, vol. 3, no 11, pp. 102–111 (in Russian).
- Novikova N. (2014) *Okhotniki i neftyaniki: issledovanie po yuridicheskoy antropologii* [Hunters and Oil Workers. Research on Legal Anthropology], Moscow: Nauka (in Russian).
- Novikova N., Wilson E. (2013) The Sakhalin-2 Project Grievance Mechanism. *Dispute or Dialogue: Community Perspectives on Company-Led Grievance Mechanisms* (eds. E. Wilson, E. Blackmore), London: International Institute for Environment and Development, pp. 84–109.
- O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatscii (№ 82-FZ) [On Guarantees of Rights of Small Indigenous Peoples of the Russian Federation. (No. 82-FZ)]. *Federal Law from April 30, 1999*. Available at: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (accessed 21 October 2016) (in Russian).
- O territoriakh traditsionnogo prirodopolzovaniya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiyskoy Federatscii (№ 49-FZ) [On Territories of Traditional Nature Use of Indigenous Numerically Small Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation (No. 49-FZ)]. *Federal Law from May 7, 2001*. Available at: <http://base.garant.ru/12122856/> (accessed 21 October 2016) (in Russian).
- Ob obshchikh printsipakh organizatsii obshchin korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiyskoy Federatscii (№ 104-FZ) [On General Principles of Organization of Communities of Indigenous Numerically Small Peoples of the North, Siberia and Far East of the Russian Federation (No. 104-FZ)]. *Federal Law from July 20, 2000*. Available at: <http://base.garant.ru/182356/> (accessed 21 October 2016) (in Russian).
- Ob ekologicheskoy ekspertize (№ 174-FZ) [On a Mandatory Environmental Impact Assessment (No. 174-FZ)]. *Federal Law from November 23, 1995*. Available at: <http://base.garant.ru/10108595/> (accessed 21 October 2016) (in Russian).

- Pierk S., Tysiachniouk M. (2016) Structures of Mobilization and Resistance: Confronting the Oil and Gas Industries in Russia. *Extractive Industries and Society*, vol. 3, pp. 997–1009. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.exis.2016.07.004> (accessed 15 December 2016).
- Reyna St., Behrends A. (2011) Crazy Curse and Crude Domination, *Crude Domination. An Anthropology of Oil* (eds. A. Behrends, St. Reyna, Sch. Günther), New York; Oxford: Berghahn Books, pp. 3–29.
- Rogers D. (2015) *The Depths of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism*, Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Sakhalin Energy Investment Company Ltd (2010) *Plan sodeistvia razvitiu korenyh narodov Severa Sakhalina. Otchet o finalnoy ocenke realizacii plana* [Plan of Supporting for Indigenous Peoples of the North Sakhalin. The Report on the Final Evaluation of the Implementation of the Plan]. Available at: <http://www.sakhalinenergy.ru/media/965021ea-a444-46fa-9e91-afb45a3a90b3.pdf> (accessed 10 September 2016) (in Russian).
- Sen A. (1992) *Inequality Re-examined*, Oxford: Oxford University Press.
- Stammler F. (2005) *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalization at the End of the Land*, Muenster: Litverlag.
- Stammler F. (2011) Oil without Conflicts. The Anthropology of Industrialization in Northern Russia. *Crude Domination. An Anthropology of Oil* (eds. A. Behrends, St. Reyna, Sch. Günther), New York; Oxford: Berghahn Books, pp. 243–269.
- Stammler F., Wilson E. (2006) Dialogue for Development: An Exploration of Relations between Oil and Gas Companies, Communities and the State. *Sibirica*, vol. 5, no 2, pp. 1–42.
- Terekhina A., Funk D. (2015) Starye i novye Identichnosti [Old and New Identity]. *Kultura i Resursy. Opyt etnologicheskogo obsledovaniya sovremennogo polozheniya narodov Severa Sakhalina* [Culture and Resources. The Experience of the Ethnological Survey of the Contemporary Situation of the Peoples of the North of Sakhalin] (ed. D. Funk), Moscow: Demos (in Russian).
- Tysiachniouk M. (2016) Benefit Sharing Arrangements in the Arctic: Promoting Sustainability of Indigenous Communities in Areas of Resource Extraction. *Arctic and International Relations Series*, vol. 4, pp. 18–21. Available at: www.jsis.washington.edu/arctic/research/arctic-and-international-relations-series/ (accessed 17 February 2017).
- Wilson E. (1999) Conflict or Compromise? Traditional Natural Resource Use and Oil Exploitation in Northeastern Sakhalin, Nogliki District. *Russian Regions: Economic Growth and Environment* (ed. T. Murakami), Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, pp. 273–299.
- Wilson E. (2002) Est' zakon, est' i svoy zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin. *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia* (ed. E. Kasten), Berlin: Dietrich Reimer Verlag, pp. 149–168.
- Wilson E. (2012) The Oil Company, the Fish, and the Nivkhi: The Cultural Value of Sakhalin Salmon. *Keystone Nations: Indigenous Peoples and Salmon across the North Pacific* (eds. B. J. Colombi, J. F. Brooks), Santa Fe, NM: SAR Press, pp. 25–46.

Wilson E., Fjaertoft D. (2016) Partnership or Dependency? Local Perceptions of the Petroleum Industry Ripple Effect in the Komi Republic. *Russian Analytical Digest*, vol. 181, 6 April, pp. 12–14.

United Nations (2008) *UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples*. Available at: http://www.un.org/esa/socdev/unpfi/documents/DRIPS_en.pdf (accessed 17 February 2017).

United Nations (2009) *Guidelines on Indigenous Peoples' Issues*. Available at: http://www.un.org/esa/socdev/unpfi/documents/UNDG_guidelines_EN.pdf (accessed 17 February 2017).

United Nations (2011) *Guiding Principles on Business and Human Rights*. Available at: www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_EN.pdf (accessed 17 February 2017).

Zemel'ny kodeks Rossiyskoy Federatsii (№ 136-FZ) [Land Code of the Russian Federation (No. 136-FZ)]. *Federal Law from October 25, 2001*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (accessed 21 October 2016) (in Russian).

Received: March 4, 2017

Citation: Tulaeva S., Tysiachniouk M. (2017) Mezhdru neft'yu i olenyami. O raspredelenii blag mezhdru neftyanikami i korennyimi narodami v rossiyskoj Arktike i Subarktike [Between Oil and Reindeer. Benefit Sharing Arrangements between Oil Companies and Indigenous People in Russian Arctic and SubArctic Regions]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 3, pp. 70–96. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2017-18-3.html> (in Russian).